

АРСЕНИЙ ФЕДОРИН

ТЕ, КОГО НЕ ЖАЛКО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Арсений Федорин

Те, кого не жалко

<https://litres.ru/73499978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они не были героями. Обычные люди, которых никто не хватится. Те, кого не жалко.

Шестеро незнакомцев просыпаются в бетонной клетке глубоко под землёй. Здесь нет окон, нет выхода, нет ответов. Только голос из динамиков, холодные стены и люди в белых халатах, которые называют их «материалом».

Кто-то из них агрессор, кто-то — весельчак, прикрывающий страх шутками. Есть тот, кто давно потерял надежду, и та, кто готова ждать сколько угодно. Есть те, кто только начинают понимать, что значат настоящие чувства.

Им предстоит узнать, что человек человеку может быть и волком, и спасителем. Что за стенами бункера творится нечто страшное. Но главное — им предстоит понять, что даже в самой глубокой тьме можно найти тех, ради кого стоит дышать. И что надежда умирает последней — даже когда кажется, что кислород уже кончился.

«Те, кого не жалко» — роман о выживании, о любви на краю бездны и о том, что настоящую семью можно обрести там, где совсем не ждёшь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Те, кого не жалко

Глава 1

Музыка долбит так, что вибрируют ребра. Стробоскопы режут темноту на куски. В этом мельтешении лиц, тел и разноцветных пятен они – серые тени. Двое мужчин в штатском, но с одинаково пустыми глазами. Агенты. Им плевать на музыку, им плевать на девушек у бара. Им нужен материал.

– Кого мы должны тут найти? – спросил первый, перекрывая басы.

Второй, чуть старше, с короткой сединой на висках, даже не повернул головы:

– Тех, кого не жалко.

Они прошли в глубь клуба, лавируя между танцующими телами. Выбрали столик в нише, откуда просматривался весь зал. Сели. Свет от стробоскопов выхватывал их лица через равные промежутки – белые маски в темноте. Первый, молодой, суетливый, достал из внутреннего кармана планшет, раскрыл, подсветил экраном.

– Так, нам надо двое мужчин и трое женщин, – пробежал глазами по списку. – Характеры должны отличаться. Ты ищи весельчака, который всех смешит, душу компании. Такой, знаешь, чтобы без него скучно.

Он поднял глаза на напарника.

– А мне нужно найти агрессора. Кто лезет в драку, быкует, нарывается. Понял?

Старший усмехнулся одними уголками губ.

– Работаем.

Они разделились. Молодой пошёл в сторону бара – там всегда больше народу, больше пьяных улыбок и громких то-стов. Старший остался наблюдать, медленно поворачивая го-лову, сканируя толпу как радар.

Кандидат в весельчаки нашёлся быстро. У барной стойки, прямо напротив молодого агента, тусовалась компания. Парень в растянутой гавайской рубашке, лысоватый, с криво-ватой улыбкой, рассказывал что-то, размахивая руками. Де-вушки вокруг визжали от смеха, парни хлопали его по плечу.

– ...а она мне говорит: "Ты что, с ума сошёл?" А я такой: "Мадам, это не я сошёл с ума, это жизнь сошла с ума, а я просто адаптируюсь!"

Он поднял стопку, чокнулся сразу с тремя и опрокинул в рот. Девушка слева чмокнула его в щеку, он отмахнулся, но довольно улыбнулся. Молодой агент сделал пометку в план-шете: «Объект №1. Коммуникабельность – 10. Эмпатия – высокая. Социальный клей. Приоритет».

Пока весельчак не успел отойти от барной стойки, агент

скользнул вдоль стены и нырнул за стойку. Бармен, молодой парень с наколкой на шее, протирал бокалы и даже не сразу понял, что рядом кто-то стоит.

– Друг, у вас тут наркоту говорят продают? – агент достал ксиву и ткнул прямо ему в лицо, почти касаясь пластиком переносицы.

Бармен дёрнулся, бокал выскользнул из рук, но агент поймал его на лету и поставил на стойку. Тихо, без звона.

– Это не я... это все мой сменщик, я тут не причём, – голос бармена сорвался на испуганный, почти истеричный крик. Глаза забегали, ища путь к отступлению.

– Не истери, – оборвал агент, убирая ксиву, но не отводя взгляда. – Как зовут?

– Витя.

– Значит смотри, Витя. Ты сейчас ничего не видел, ничего не слышал, и никто к тебе не подходил. Парня видишь в гавайской рубашке? – агент чуть повернул голову в сторону весельчака, который как раз наливал очередную стопку своим новым друзьям.

Витя молча кивнул. Кадык дёрнулся.

– Подсыпешь ему это в рюмку, чтобы он не видел, – агент положил на стойку маленький пластиковый контейнер, похожий на упаковку от линз. – А я забуду про твою наркоту. Договорились?

Витя смотрел на контейнер как на гранату. Потом перевел взгляд на весельчака. Тот как раз рассказывал очередную

байку, девушки визжали, а он сиял, как начищенный самовар.

– А что там? – выдавил бармен.

– Витаминки. Поспит немного и очнётся в другом месте. Ему же лучше будет, честное слово, – агент усмехнулся, но глаза остались ледяными. – Ты выбирай, Витя. Или он сегодня поспит, или ты завтра будешь объяснять своим, почему клуб закрывают. И заодно маме расскажешь, где сынок подрабатывает.

Витя сглотнул. Медленно, словно руки чужие, взял контейнер.

– Когда... когда подсыпать?

– Когда скажу. Жди сигнала.

Агент похлопал его по плечу, по-дружески, даже ласково, и растворился в толпе. Витя остался стоять с контейнером в руке, глядя на весельчака, который ещё не знал, что его лучший вечер в жизни только что стал последним вечером свободы.

Весельчак даже не заметил, как пролетел ещё час. Водка кончилась, началось пиво. Компания вокруг то росла, то таяла, но он оставался центром притяжения – рассказывал байки, травил анекдоты, подливал девушкам, хлопал парней по плечу. Он чувствовал себя королём мира. В какой-то момент

он обернулся к барной стойке, чтобы заказать ещё, и встретился взглядом с Витей. Тот смотрел на него как-то странно – испуганно, что ли?

– Эй, брат, пива ещё! – крикнул весельчак, размахивая пустой бутылкой.

Витя кивнул, но вместо того чтобы налить, полез под стойку. Достал оттуда початую бутылку виски – хорошего, дорогого, какой в этом баре отродясь не водился. Поставил на стойку и подозвал весельчака пальцем.

– Слышь, – сказал Витя, когда тот подошёл. – Ты сегодня именинник, что ли?

– Да нет, – удивился весельчак. – А чё?

– Мужик один просил передать. Сказал, ты ему вчера помог чем-то, он отдаёт должок. Держи.

Витя плеснул виски в чистый стакан. Рука его чуть дрогнула, но весельчак не заметил – он смотрел на виски.

– Ни хрена себе... – он взял стакан, понюхал. – А кто мужик-то?

– Не представился. Сказал, что ты поймёшь.

Витя отвернулся к кассе, делая вид, что пересчитывает выручку. Весельчак пожал плечами – ну, бывает. В этой жизни он столько людям помог, что уже и не вспомнишь. Он поднял стакан, мысленно чокнулся с незнакомым благодетелем и опрокинул в рот. Виски обжёг горло, растёкся теплом по груди. Хороший виски. Настоящий.

– Скажешь ему спаси... – начал весельчак и запнулся.

В глазах вдруг потемнело. Музыка, которая долбила в уши весь вечер, стала тише, словно кто-то убавил громкость. Ноги стали ватными.

– Эй... – сказал он, хватаясь за стойку. – Чет мне жарко...

Он повернулся к своей компании, хотел крикнуть, что сейчас вернётся, но слова застряли в горле. Девушки смотрели на него, смеялись чему-то своему. Они не видели, как он побелел.

– Покурю... – выдохнул он и, шатаясь, пошёл к выходу.

Каждый шаг давался с трудом. Коридор к чёрному ходу, который он проходил сотню раз, вдруг стал бесконечным. Стены качались. Он толкнул дверь и вывалился на улицу, в прохладу ночи.

Воздух не помог. Стало только хуже. Он сделал ещё шаг, второй, третий... И рухнул лицом в асфальт, даже не выставив руки. Из тени вышли двое. Молодой агент убрал телефон в карман и подошёл к телу. Перевернул весельчака на спину – тот дышал ровно, просто спал.

– Живой, – констатировал он. – Грузим.

Старший уже открывал дверь микроавтобуса, пока второй закинул спящие тело.

Он захлопнул дверь, достал планшет и поставил галочку напротив первой строки.

– Первый есть, – сказал он довольно.

Старший кивнул на дверь клуба.

– Иди работай. Я тут покараулю.

Молодой скрылся в дверях. Старший закурил, прислонившись к автобусу. Весельчак похрапывал, уткнувшись носом в грязную обшивку.

Внутри клуба музыка долбила с прежней силой. Младший агент протиснулся сквозь толпу, огибая танцующие тела, и встал у колонны, наблюдая. Он искал агрессора. Кандидатов хватало. Вон тот, у стены, с переломанным носом – слишком пьян, еле сидит. Этот, возле сортиров, размахивает руками и орет на кого-то по телефону – истеричка, не формат. А этот... Младший прищурился. В центре зала, прямо под стробоскопами, стоял бугай. Метр девяносто, бычья шея, та-туированные пальцы. Он не танцевал. Он просто стоял, расставив ноги, и сверлил взглядом каждого, кто приближался. Рядом с ним мялась девушка в коротком платье – красивая, но испуганная. Она тянула его за рукав, пыталась что-то сказать, но он отмахивался, не глядя.

– Слава, поехали домой, – донеслось сквозь музыку. – Ты обещал.

– Заткнись, – ответил бугай, не поворачивая головы.

Девушка дернула сильнее. Слава развернулся и сбросил её руку так, что она чуть не упала.

– Сказал же – заткнись!

Она обиженно надула губы, но отошла к стеночке. Слава

снова устоялся в толпу. Младший агент усмехнулся. «Идеальный экземпляр. Агрессия фоновая, на низком контроле». Он уже собрался подойти, но решил подождать – пусть бугай ещё накрутит себя. И тут появился парень. Худой, в очках, с нелепой козлиной бородкой. Судя по всему, бывший или просто знакомый той самой девушки. Он подошёл к ней, что-то спросил. Девушка кивнула на Славу и покачала головой. Очкарик посмотрел на него. Потом на девушку. Потом снова на него. И, приняв, видимо, самое дурацкое решение в своей жизни, направился к бугаю.

– Слышь, друг, – начал он, тронув Славу за плечо. – Ты это... не обижай её, ладно? Она же с тобой пришла, а ты...

Слава слушал секунд пять. Потом, не меняясь в лице, размахнулся и зарядил очкарику кулаком в солнечное сплетение. Коротко. Без замаха. Профессионально. Очкарик сложился пополам, как складной нож, и осел на пол, хватая ртом воздух. Слава даже не посмотрел на него. Повернулся обратно к залу. Девушка взвизгнула. Кто-то из толпы дернулся помочь, но, увидев спину Славы, передумал. Младший агент понял: пора.

Он подошёл к Славе сбоку, встал так, чтобы тот его заметил. Слава лениво повернул голову, оценивая нового претендента.

– Ты чего? – буркнул он.

– Слышь, уважаемый, – младший говорил спокойно, даже дружелюбно, но глаза оставались холодными. – Девушка

твоя? Вон та, у стеночки?

Слава прищурился:

– А тебе какое дело?

– Мне никакого, – младший пожал плечами. – А вот ей, судя по лицу, не нравится. Видишь, плачет? Отпустил бы ты её, пока не поздно.

Слава медленно, очень медленно, расправил плечи. Встал в полный рост. Навис над агентом, как башня.

– Слышь, мелкий, – прорычал он. – Ты кому указываешь? Это моя девка. Хочу – трогаю, хочу – отпускаю. Ты вообще кто такой?

Младший улыбнулся. Широко, открыто, почти по-дружески.

– Я? Да так, прохожий. Просто видеть не могу, когда баб обижают. Ладно, мужик, давай по-мужски. Пойдём выйдем, разберёмся. Раз она твоя – докажи.

Слава моргнул. Такого поворота он не ожидал. Обычно после его габаритов все убегали. А этот... этот сам лезет.

– Ты охренел? – переспросил Слава для верности.

– Выйдем – узнаешь, – младший уже разворачивался и шёл к служебному выходу. Даже не оборачивался – просто шёл, уверенный, что Слава пойдёт за ним. И Слава пошёл. Потому что не пойти значило потерять лицо перед девушкой, перед толпой, перед самим собой. Он догнал агента уже в коридоре, схватил за плечо, развернул.

– Слышь, ты...

Договорить он не успел. Младший агент двигался быстро и чётко, как хорошо отлаженный механизм. Шаг в сторону, уход с линии атаки, подсечка. Слава, пьяный и тяжёлый, потерял равновесие и рухнул на колени. Агент оказался сзади, захватил шею, дернул – и бугай ткнулся лицом в грязный пол коридора. Все заняло секунды три. Слава дёрнулся, попытался встать, но агент уже прижал коленом его шею к полу.

– Тихо-тихо, – прошептал младший ему на ухо. – Лежи смирно, большой. Драку ты выиграл, все видели. А теперь просто поспи немного.

Он вытащил из кармана ампулу и шприц. Слава дёрнулся ещё раз, но агент лишь сильнее надавил коленом.

– Не дёргайся, я сказал.

И вколол иглу прямо в шею, сбоку, в сонную артерию. Слава дёрнулся в последний раз и обмяк. Младший поднялся, отряхнул колени. Постоял секунду, глядя на распластанное тело. Потом достал планшет и поставил галочку.

– Второй есть, – сказал он в пустоту.

Из дверей служебного выхода показался старший. Докурил, бросил бычок в темноту, подошёл.

– Готов?

– Готов. Поспит пару часов.

Вдвоём они подхватили Славу под мышки и потащили к микроавтобусу. Дверь открылась. Славу бросили на скамью рядом с весельчаком. Дверь микроавтобуса захлопнулась с тяжёлым металлическим стуком.

– Ну что, – спросил младший, косясь на планшет. – Куда теперь? Девочек искать? Вон там, у барной стойки, я ещё приметил.

Старший даже не повернул головы.

– Отставить девочек.

– В смысле? – младший удивленно моргнул. – Нам же троих сказали.

– Уже взяли, – перебил старший. – Пока мы тут с этим клоуном возились, ребята отработали клуб на окраине. Трёх девушек привезли час назад. Полный комплект.

Младший присвистнул:

– Ни хрена себе оперативность. А чего нам не сказали?

– А ты кто такой, чтобы тебе говорили? – усмехнулся старший, но без злобы. – Наша задача была мужиков подобрать. Мы подобрали. Молодцы, можем себя похвалить.

Микроавтобус выехал на трассу. Фонари кончились, вокруг стало темно – только свет фар вырывал из ночи куски асфальта и придорожные кусты. В салоне было тихо. Весельчак похрапывал, уткнувшись носом в обшивку. Слава, все ещё без сознания, мелко подёргивал рукой – препарат отпускал, но до пробуждения было далеко.

Минут пять ехали молча. Потом младший не выдержал.

– Слышь, – начал он вполголоса, косясь на старшего. – А

что за база вообще? Я там ни разу не был. Говорят, бункер какой-то старый?

Старший молчал. Смотрел в окно.

– Ну правда, – не унимался младший. – Куда мы их везем? Я подписывал бумаги, там было написано "спецобъект временного содержания". А мне сегодня Петрович из второго отдела сказал, что это... ну...

– Что? – голос старшего стал жёстче.

– Ну, блядь, лаборатория какая-то, – выдохнул младший. – Непонятные эксперименты. Людей там... ну, типа, изучают. Я не знаю.

Старший повернулся к нему. В темноте лица не видно, только силуэт.

– Много говоришь.

– А ты не боишься? – младший вдруг перешёл на шёпот, но шёпот этот был злым, нервным. – Мы же менты, блядь. У нас ксива, у нас долг – людей защищать. А мы что делаем? Мы людей воруем. В клубах, среди бела ночи. Подсыпаем херню в стаканы, вкалываем в шею непонятно что. Мы даже не знаем, кто эти люди! Может, у них семьи, дети... А мы их – в автобус и везём в какую-то лабораторию.

Он замолчал, сжимая руль так, что костяшки побелели. Старший смотрел на него долго. Очень долго. Потом достал сигарету, прикурил от зажигалки, приспустил окно.

– Докуришь – закрой, – буркнул младший.

– Думаешь, я не знаю? – заговорил он наконец. – Дума-

ешь, мне самому не тошно? Я двадцать лет в органах. Двадцать лет, блядь. Ловил мразей, сажал, жизни людям спасал. А теперь...

Он затанулся глубоко, с хрипом.

– А теперь я этих мразей вожу в герметичных автобусах, потому что мне заплатили. Знаешь сколько?

Младший мотнул головой.

– Столько, сколько я за год в ментовке получаю. За одну ночь. За двух мужиков, которых я даже не знаю. За то, что я просто нашёл их и привёз.

Он выбросил сигарету в окно, закрыл его.

– У меня дочка в институт поступает. Жена болеет. Квартира в ипотеке. А мы, получаем пиздец как мало за то, что рискуем жизнью каждый день. А тут – пришел, взял, привез. И всё. Деньги на столе.

Младший молчал. Только смотрел на дорогу.

– Я тоже не горжусь, – добавил старший тише. – Но выбора у нас нет. Ты уже подписался. Я подписался. Назад дороги нет.

– А если эти люди... – начал младший.

– Никаких если, – оборвал старший жёстко. – Мы выполнили работу. Нас не касается, что с ними будет. Нас не касается, кто они и зачем. Наша задача – привезти. Мы привезли. Дальше – не наше дело.

Он откинулся на сиденье, закрыл глаза.

– Забудь. Просто забудь. Через пару часов сдадим груз,

получим бабки и поедем домой. Будешь думать – сойдёшь с ума. Я проверял.

Младший хотел что-то сказать, но осёкся. В салоне по-прежнему было тихо. Только храп весельчака и ровное дыхание Славы. Микроавтобус ехал в темноту, и огни города давно исчезли за спиной.

Глава 2

Она просто сидела и листала ленту во «ВКонтакте» и вдруг ей выскочила ссылка: «Ставим на ноги при повреждении спинного мозга». Она сразу ткнула. Левый сайт, но внушающий доверие. Полистала информацию – врачи с научными степенями, отделения по всей России. А она уже который год искала информацию, как поставить сына на ноги. Нашла номер телефона. Обычный, городской – значит, не обман.

Она набрала номер.

– Здравствуйте, это клиника «Надежда»? – спросила она.

– Добрый день. Да, по какому вы вопросу? – ответил специалист приятным голосом, тем голосом, который внушает надежду.

– Мне высветилась информация, что вы можете восстановить разорванный спинной мозг?

– Да, вы правы. Сейчас у нас проходит бесплатный тестовый период новой вакцины, которая полностью восстанавливает нервные окончания. Простите, как вас зовут?

– Татьяна Георгиевна.

– Татьяна Георгиевна, наши специалисты изобрели новую бактерию, которая помогает нервным окончаниям восстановиться. Вы бы хотели попробовать?

– Не я, я сына хочу. Он у меня не ходит уже 6 лет. У нас

разрыв спинного мозга...

– Татьяна Георгиевна, мы с радостью возьмём вашего сына на пробный приём и проведём ему все нужные манипуляции. Скажите, когда к вам можно будет подъехать? Наш врач должен осмотреть пациента.

– Так давайте мы сами приедем. Он у меня мальчик самостоятельный, все сам может. И коляска у нас электрическая.

– Татьяна Георгиевна, не стоит. Мы сами подъедем к вам и осмотрим. Как его, простите?

– Андрей.

– Вашего Андрея осмотрит наш специалист, человек с опытом больше 20 лет, с множеством наград. Вам сегодня будет удобно?

– Да, конечно.

– В два часа вы будете дома?

– Да.

– Назовите адрес.

Мать назвала адрес. На том конце повесили трубку. Она ещё минуту сидела с телефоном в руке. Потом посмотрела на дверь комнаты сына. Сказать ему или пока не говорить? Вдруг не получится? Вдруг опять обманут?

Из комнаты донёсся звук – Андрей чем-то гремел. Кажется, уронил наушники.

– Андрюш! – крикнула она, вставая. – Там приедут сейчас, врачи! Посмотрят тебя!

Тишина. Потом скрип коляски, и в проёме двери появил-

ся он. Взлохмаченный, злой спросонья.

– Кто придет?

– Врачи, я говорю. Из клиники. Там вакцину новую придумали, от спинного мозга, представляешь? Нервные окончания восстанавливает. Я сейчас по телефону разговаривала...

Андрей смотрел на нее так, будто она сказала, что к ним в гости летят инопланетяне.

– Мам. Ты опять?

– Что опять?

– Опять притащила в дом непонятно кого, – он говорил устало, без злости, но с той брезгливой интонацией, которая была хуже любого крика. – Сколько можно? В прошлом году эти, с лазерной терапией, помнишь? Деньги взяли, аппарат какой-то приволокли, светили в спину неделю – и где результат? А позапрошлый? Травник этот, с мешочками?

– Ну, Андрей...

– Мам, я понимаю, ты хочешь как лучше. Но это всё шарлатаны. Все эти "новые вакцины", "уникальные методики", "восстановление нервных окончаний" – развод чистой воды. Если бы научились спиной мозг лечить, это по всем каналам было бы, Нобелевку бы дали, а не по левым сайтам рекламу пихали.

Она стояла, теребя край халата. Губы поджались, но глаза смотрели виновато.

– Ну а вдруг? – тихо спросила она. – Вдруг в этот раз прав-

да? Ты же не знаешь...

– Я знаю, мам. – Он развернул коляску, собираясь уехать обратно в комнату. – Я уже шесть лет знаю. Хватит искать чудеса. Их нет.

– Андрюш...

– Скажи им, что я заболел. Или умер. Или уехал. Мне все равно. Просто не впускай их.

Он уехал в комнату. Дверь закрылась не хлопком, а аккуратным, почти беззвучным движением – он всегда так делал, чтобы она не пугалась. Даже в злости он думал о ней.

Мать осталась в коридоре одна. Часы показывали без пятинадцати два.

Она не заметила, как прошло пятнадцать минут. В дверь позвонили. Она вздрогнула, посмотрела в глазок. На лестничной клетке стояли двое. Один старый, с морщинами и лысиной на голове, в потёртом пальто. Второй – молодой, красивый, опрятный, с кожаным чемоданом в руках.

– Кто там? – спросила она на всякий случай, хотя уже знала ответ.

– Татьяна Георгиевна, мы из клиники, здравствуйте, – сказал молодой приятным голосом – тот самым, что был в трубке.

Мать быстро открыла дверь и впустила их в прихожую.

– Здравствуйте, – поздоровался старик, окидывая взглядом коридор. – Я кандидат медицинских наук. Не против, я задам вам пару вопросов?

– Мне? – удивилась она. – Разве не сыну?

– С ним мы разберемся позже, – старик говорил спокойно, уверенно. – Такие люди при таком сроке не очень любят разговаривать с врачами. Не верят в чудеса. Это нормально.

– Это точно, – выдохнула мать с понимающей улыбкой. – Пройдёмте на кухню. Чай, кофе?

– Нет, спасибо, – ответили двое хором.

Старик прошёл на кухню, сел к столу, достал из куртки блокнот и ручку. Молодой остался стоять в проходе с чемоданом.

– Скажите, пожалуйста, при каких обстоятельствах была получена травма? – спросил старик, глядя ей в глаза поверх очков.

Мать села напротив, сцепила руки.

– Мы попали в аварию... – голос дрогнул. – Отец умер сразу, царство ему небесное. А вот сын...

Она замолчала, часто заморгала, чтобы не расплакаться. Не вышло – глаза наполнились слезами.

– Не продолжайте, я все понял, – мягко остановил её старик и протянул через стол чистый носовой платок. Из настоящей ткани, не бумажный.

– Спасибо, – прошептала она, промокнув глаза. – Запишите как-нибудь, извините... Я не могу про это говорить.

– Конечно, конечно. – Старик кивнул и что-то быстро записал в блокнот. – Ещё один вопрос: какие препараты он принимал в последнее время? Гормональные, обезболивающие?

– Обезболивающие редко, он терпит, не любит таблетки. А так – витамины, ну и миорелаксанты иногда, когда спазмы.

– Хорошо. А...

Договорить он не успел. Из комнаты донёсся звук – открылась дверь, потом скрип коляски. Андрей выехал в коридор и замер, увидев чужие ботинки у входа.

– Мам? – позвал он громко. – Ты когопустила?

Мать вскочила, пошла к нему.

– Андрюш, это врачи, я же говорила. Профессор, кандидат наук, они просто поговорить...

Андрей смотрел мимо неё – на старика, который уже вышел из кухни и теперь стоял в коридоре, разглядывая его цепким, оценивающим взглядом.

– Здравствуйте, Андрей, – сказал старик спокойно. – Меня зовут Борис Ильич. Я хочу вам помочь.

Андрей молчал. Смотрел на старика, на молодого с чемоданом, на мать, которая замерла между ними с мокрыми глазами и скомканным платком в руке.

– Вы ему скажите, – тихо попросила мать. – Скажите, что есть надежда. Он не верит никому уже.

Старик шагнул ближе к коляске.

– Андрей, я не буду вам врать. Чудес не бывает. Но бывает

наука. И бывает техника, которая шагнула далеко вперед. То, что мы делаем, – это не магия. Это биология. Мы научились заставлять клетки разговаривать друг с другом.

– Что за бред? – Андрей даже не двинулся с места, только вцепился в подлокотники кресла. – Какие клетки? Какие разговоры? Спинной мозг не восстанавливается, и вы это прекрасно знаете. Сколько она вам заплатила за это?

– Никаких денег, – спокойно ответил старик. – Только наука. Все делается абсолютно бесплатно. Это тестовый период, мы набираем добровольцев.

– Добровольцев? – усмехнулся Андрей. – Я не подписывался быть добровольцем.

– Андрюш, ну послушай хотя бы... – начала мать.

Старик поднял руку, останавливая ее.

– Андрей, я понимаю ваше недоверие. – Он говорил ровно, без нажима. – Вы правы: спинной мозг действительно не восстанавливается обычными методами. Но мы работаем не с обычными методами. Разрешите я вас осмотрю, а ваша мама пока с моим коллегой подпишет документы. Это ничего не обязывает. Просто формальность.

Андрей посмотрел на мать. Та стояла, теребя платок, с таким выражением лица, будто ее сейчас ударят.

– Валяйте, – махнул он рукой. – Раз бесплатно.

Он развернул кресло и уехал в свою комнату. Старик двинулся за ним.

Мать осталась в коридоре с молодым человеком. Тот уже

достал из чемодана планшет и стопку бумаг.

– Татьяна Георгиевна, присядем? – предложил он, кивая на кухню.

Она прошла за ним, села за стол. Молодой человек разложил бумаги перед ней.

– Вот договор на оказание медицинских услуг. Ознакомьтесь, пожалуйста. Если будут вопросы – я отвечу.

Мать надела очки, придвинула листы ближе.

ДОГОВОР № 447/Б

на оказание медицинских услуг (тестовый период)

г. Москва | 14 марта 2024 г.

1. Предмет договора

1.1. Исполнитель (ООО «Медицинский центр «Надежда», лицензия № ЛО-77-01-023456 от 12.08.2022) обязуется оказать Заказчику (Татьяне Георгиевне К.) услуги по диагностике и терапии повреждений спинного мозга с применением экспериментальных методов лечения.

1.2. Услуги оказываются на безвозмездной основе в рамках клинических испытаний.

2. Права и обязанности сторон

2.1. Исполнитель обязуется:

– Провести полное медицинское обследование пациента

(Андрей К.);

- Применить экспериментальную терапию согласно утверждённому протоколу;
- Информировать Заказчика о ходе лечения и возможных рисках.

2.2. Заказчик имеет право:

- Получить информацию о методах лечения;
- Отказаться от участия в программе на любом этапе;
- Требовать соблюдения конфиденциальности.

2.3. Заказчик обязуется:

- Обеспечить доступ к пациенту для проведения процедур;
- Соблюдать рекомендации лечащего врача;
- Не разглашать методы лечения третьим лицам (коммерческая тайна).

3. Ответственность сторон

3.1. Исполнитель не несёт ответственности за непредвиденные побочные эффекты, связанные с экспериментальным характером терапии.

3.2. Заказчик подтверждает, что ознакомлен с возможными рисками и принимает их.

4. Срок действия

4.1. Договор вступает в силу с момента подписания и действует до завершения курса лечения (ориентировочно 90

дней).

4.2. Досрочное расторжение возможно по письменному заявлению любой из сторон.

5. Конфиденциальность

5.1. Все данные о пациенте и методах лечения являются врачебной тайной.

5.2. Заказчик обязуется не разглашать информацию о методах, препаратах и процедурах третьим лицам.

6. Подписи сторон

Исполнитель: _____ /Смирнов И.С./

Заказчик: _____ /К. Татьяна Георгиевна/

Мать читала медленно, шевеля губами. Молодой терпеливо ждал.

– А вот здесь, – она ткнула пальцем в пункт 3.1, – про побочные эффекты... Это что значит?

– Это стандартная формулировка, – улыбнулся молодой. – По закону мы обязаны предупредить, что экспериментальные методы могут иметь непредсказуемые последствия. Но на практике ничего страшного не происходит. У нас уже больше сотни пациентов прошли, все в порядке.

– А здесь? – она показала на пункт 5.2. – Почему нельзя

рассказывать?

– Коммерческая тайна, Татьяна Георгиевна. Методика уникальная, мы её запатентовали. Если информация утечёт к конкурентам, мы потеряем миллионы. Поэтому просим пациентов не болтать. Но вы можете рассказывать родственникам, конечно.

– А если я не подпишу?

– Ну, тогда мы не сможем начать лечение, – молодой развёл руками. – Это стандартная практика для всех клинических испытаний. Без подписи – не имеем права прикасаться к пациенту.

Мать посмотрела в сторону комнаты Андрея. Оттуда доносились глухие голоса – старик, кажется, задавал вопросы, Андрей отвечал неохотно, односложно.

– А вдруг ему станет хуже? – спросила она тихо.

Молодой наклонился ближе, понизил голос до доверительного шёпота:

– Татьяна Георгиевна, честно? Ему уже хуже некуда. Он шесть лет в кресле. А тут – реальный шанс. Не упускайте его.

Она смотрела на него долго. Потом перевела взгляд на договор.

– Ручку дайте, – сказала она.

Молодой протянул ручку. Она расписалась на обеих страницах. Размашисто, с нажимом, будто ставила печать на приговоре. Молодой забрал бумаги, убрал в чемодан, довольно кивнул.

– Поздравляю, Татьяна Георгиевна. Вы только что дали сыну шанс.

Она улыбнулась сквозь слезы. Не заметила, что молодой убрал договор в отдельный файл, а копию ей не предложил.

В комнате Андрея старик закончил осмотр. Щупал ноги, колол иголкой, смотрел реакцию, записывал в блокнот.

– Ну что, – спросил Андрей с усмешкой, – надежда есть?

– Надежда есть всегда, – ответил старик, пряча блокнот в карман. – А вот шанс... Шанс мы дадим. Если согласитесь пройти полный курс.

– В вашей лаборатории?

– В специальном центре. Там созданы все условия. Питание, уход, круглосуточное наблюдение. Мама сможет приезжать. Но большую часть времени вы будете под присмотром врачей.

Андрей посмотрел на дверь, за которой мать разговаривала с молодым.

– Она уже подписала, да?

– Наверняка, – кивнул старик.

– Тогда какой смысл спрашивать?

Он развернул коляску к окну, глядя на серый двор.

– Когда выезжать?

– Прямо сейчас, – старик поднялся. – Машина ждет внизу.

Андрей усмехнулся, но ничего не сказал. Только покачал головой.

Вдруг с кухни раздался голос матери. Громкий. Просящий. А потом – всхлип. И тишина. Андрей дёрнулся в кресле, попытался развернуться к двери.

– Что там происходит? – спросил он резко, в голосе впервые за вечер появилась тревога.

Старик даже не обернулся. Стоял рядом с креслом, уже держа в руке шприц – вытащил из кармана незаметно, пока Андрей смотрел в окно.

– Лечение уже началось, – сказал старик спокойно.

И воткнул иглу Андрею в шею. Андрей дернулся, открыл рот, чтобы закричать, позвать маму, спросить, что происходит, но язык уже не слушался. Сознание уходило быстро – темнота навалилась со всех сторон, последнее, что он увидел, – морщинистое лицо старика, который смотрел на него без всякого выражения. Потом была только темнота.

Старик выпрямился, убрал шприц в карман. Вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь. На кухне его напарник стоял над телом Татьяны Георгиевны. Она лежала на полу, неестественно вывернув руку, и уже не дышала. Глаза были открыты – смотрели в потолок с тем самым выражением, с каким она минуту назад подписывала договор. Надежда. За-

стывшая в зрачках.

– Ты не мог сделать это тише? – спросил старик устало, даже с какой-то брезгливостью.

Молодой пожал плечами:

– Я не виноват, что она так реагирует на препарат. Я ввел стандартную дозу, а у нее сердце, видимо, слабое. Бабка старая.

Он говорил об этом так, будто обсуждал сломанный чайник.

– Что с ней делать?

Старик подошёл, наклонился, приложил два пальца к шее женщины. Подержал. Подождал. Потом выпрямился.

– А что ты уже сделаешь? – равнодушно сказал он. – Пульса нет.

Он вытер пальцы о штанину и пошёл в прихожую.

– Мальчика забирай. И поехали.

Молодой кивнул, прошёл в комнату Андрея. Покатил коляску с обмякшим телом к выходу. Старик уже стоял у двери, смотрел на часы.

– Соседи?

– Толстые стены. И музыка у них за стенкой играет, я слышал.

– Хорошо.

Они вышли. Дверь захлопнулась. В квартире осталась лежать Татьяна Георгиевна. Чайник, который она поставила перед их приходом, так и не закипел.

Глава 3

Утро началось с звона в ушах и ужасной боли в голове. Надя первая открыла глаза. Больничная палата. Белые стены. И две кровати вокруг, на которых спали ещё две девочки. Одна – с длинными рыжими волосами и модельной внешностью. Надя оценивающим взглядом скользнула по ней: третий размер груди, лицо идеальное – без единой родинки или прыща. Она почувствовала привычный укол зависти. Хотя сама была тоже не уродкой. Грудь, конечно, поменьше, но лицом вышла не хуже. Она перевела взгляд на вторую кровать. Обыкновенная. Слишком молодая – лет шестнадцать-семнадцать с виду. Пышные кудрявые волосы и лицо, усыпанное веснушками. Совсем ребёнок ещё. Надя села. Голова закружилась, перед глазами поплыло – чуть не упала обратно на подушку.

– Текила была лишняя, – заключила она вслух. – Где я вообще?

Вдруг из потолка раздался голос. Ровный, спокойный, без интонаций.

– Доброе утро, Надежда.

Надя дёрнулась, задрала голову вверх. В углу под потолком чернел динамик.

– Ты кто? – выдохнула она. – Где я?

- Я голосовой помощник. Вы находитесь в лаборатории.
- В какой ещё лаборатории? Я вчера в клубе была.
- Вы вчера добровольно согласились на участие в эксперименте.

Надя моргнула. Потом ещё раз.

– Чего?

– Вы подписали договор добровольного участия в программе клинических испытаний.

– Я ничего не подписывала! – голос сорвался на крик. Рыжая на соседней кровати зашевелилась, но не проснулась.

– Все документы оформлены в соответствии с законодательством. Ваша подпись стоит.

Надя открыла рот, закрыла. Попыталась вспомнить вчерашний вечер. Клуб, музыка, текила... Дальше провал.

– Текила правда была лишней, – сказала она уже тише, скорее себе, чем этому голосу из потолка.

Голос не ответил.

Надя огляделась уже внимательнее. Белые стены, никаких окон. Дверь – металлическая, без ручки. В углу камера, маленькая, красный огонёк горит.

– Эй! – крикнула она в потолок. – Что за эксперимент? Кто вы вообще?

Тишина в ответ.

– Верните меня домой!

Тишина повторилась.

Рыжая на кровати заворочалась, открыла глаза.

– Что за шум? – пробормотала она спросонья. – Где это мы?

Надя посмотрела на нее.

– Ты тоже текилу пила?

Рыжая села, поморгала.

– Я вообще не пью. Что происходит?

Она оглядела палату, увидела камеру, металлическую дверь. Глаза стали круглыми.

– Это что, шутка?

– Не похоже, – Надя кивнула на динамик. – Там голос какой-то сказал, что мы добровольно на эксперимент подписались.

– Я ничего не подписывала! – возмутилась рыжая.

– Я тоже. Но он говорит, что подписи есть.

Третья кровать закрипела. Девчонка с веснушками села, испуганно хлопая глазами. Оглядела всех, потом стены, потом снова всех.

– Вы кто? – спросила она тонким голосом.

– А ты кто? – ответила Надя.

– Я... я Катя. Я вчера в парке гуляла. А потом... – она наморщила лоб. – Потом ничего не помню.

– В парке? – переспросила рыжая. – А я в клубе была. В «Атмосфере».

– А я в «Платинуме», – добавила Надя.

Они переглянулись.

– То есть мы из разных мест? – медленно проговорила ры-

жая. – И все здесь?

Из динамика снова раздался голос:

– Процедура пробуждения завершена. Через десять минут завтрак. Ожидайте.

Все три уставились в потолок.

– Эй! – крикнула Надя. – Сколько мы здесь будем?

– Срок пребывания определяется индивидуально. Добровольное участие подразумевает полный цикл наблюдения.

– Какой цикл? – подала голос Катя.

Ответа не было.

Рыжая встала, подошла к металлической двери. Постучала – глухой звук.

– Закрыто, – сказала она, хотя это и так было понятно.

– А если мы не хотим? – спросила Надя в потолок.

– Отказ от участия возможен после завершения первого этапа испытаний, – ответил голос.

– Когда это?

– Информация предоставляется по мере готовности.

Надя выдохнула, села обратно на кровать.

– Что будем делать? – спросила Катя, глядя на старших.

Рыжая пожала плечами.

– Ждать, наверное.

За дверью послышались шаги. Металлические, гулкие. Кто-то шел по коридору.

Все три замерли. Шаги остановились прямо за дверью. И замолчали.

– Слышь ты, помощник, блядь! – вдруг раздался мужской голос, гулко ударившись о потолок. – Выпусти меня отсюда, быстро!

– Вы нас слышите? – закричала Надя, вскакивая с кровати. – Помогите!

– О, еще компания, – усмехнулись за дверью.

Щелчок. Электронный писк. Металлическая дверь поползла в сторону.

На пороге стоял Слава – высокий, широкоплечий, с татуированными пальцами. В руке он держал пластиковую карточку, которой только что открыл дверь. Рядом с ним, чуть позади, маячил мужик в мятой гавайской рубашке – лысоватый, с кривой улыбкой.

Девочки выбежали в коридор, все трое. Их взгляд заметался между двумя парнями.

– Вы кто? – выдохнула Надя.

– Я Слава.

– А я Никитос, – мужик в гавайке ухмыльнулся, окидывая девушек цепким взглядом. – Для друзей просто Никита. Но вы можете звать меня как хотите, девчонки.

– Я Надя, это... – она обернулась на спутниц.

– Я Катя, – тихо сказала девчонка с веснушками, прячась за спину Нади.

– Аня, – кивнула рыжая, разглядывая Славу с явным интересом.

Никитос вдруг уставился на Надю. Прищурился. Потом

лицо его расплылось в узнавании.

– Надюха? – удивился он.

– Вот откуда я знаю твоё лицо! – Надя щелкнула пальцами. – Точно!

– Вы знакомы? – спросила Катя, переводя взгляд с одного на другую.

– Ага, – Никита довольно потер руки. – Жарил её пару раз. Просто огонь девочка в постели, хотя на вид скромная.

Слава хмыкнул. Аня, не сдержала улыбки.

Надя вспыхнула:

– Заткнись давай! Это по пьяни было.

– Несколько раз? – Никита изогнул бровь. – В разные дни? Подряд?

Надя открыла рот, закрыла, потом просто отвернулась.

– Ничего не было, – буркнула она в стену.

– Было-было, – ласково сказал Никита. – Но молчу, молчу. Не хочешь при детях – не буду.

Катя смотрела на них круглыми глазами. Аня уже откровенно улыбалась, прикрывая рот ладошкой. Даже Слава чуть расслабил лицо – кажется, ситуация его забавляла.

– Ладно, – перебил он, возвращая всех к реальности. – Потом разберётесь, кто кого и сколько раз. Сейчас главное – валить отсюда.

– Ты дверь открыл, – Надя наконец обернулась, пытаясь вернуть лицу серьёзное выражение. – Дальше что?

Слава пожал плечами:

– Коридор. Там поворот. Я дальше не пошел – вас услышал.

– А карта? – спросила Аня.

– Какая карта? Я просто очнулся в какой-то камере, на столе эта хрень валялась. – Он показал карточку. – Приложил – дверь открылась. Пошёл искать выход.

– А чего в гавайской рубашке? – не удержалась Надя, кивая на Никиту.

– А что? – Никита развёл руками. – Я в ней в клуб пришёл. Не раздевать же меня было, пока я спал. Или ты предлагаешь мне голым ходить?

– Заткнись, – устало сказала Надя.

– Слушаюсь.

Слава оглядел всю компанию:

– Пятеро. Значит, мы не одни такие. Это либо тюрьма, либо больница, либо... – Он запнулся.

– Либо что? – спросила Катя тонким голосом.

– Либо лаборатория, – закончил Слава. – Я такие места видел в фильмах.

В динамике под потолком что-то щелкнуло.

– Рекомендуются пройти в столовую для завтрака. Повторяю: рекомендуется пройти в столовую.

Все пятеро задрали головы.

– А если не пойдём? – крикнул Никита в потолок.

Помощник ничего не ответил.

– Видимо, пойдём, – вздохнула Аня. – Где эта столовая?

Из коридора донёсся звук – где-то впереди щёлкнул ещё один замок, и зажёгся свет.

– Нас ждут, – усмехнулся Слава. – Пошли, компания. Посмотрим, что в меню.

Он двинулся первым. За ним, чуть помедлив, потянулись остальные. Никита пристроился рядом с Надей:

– А помнишь, как в тот раз...

– Никита, честное слово, я тебя ударю.

– Ладно-ладно. Но ты реально огонь.

– Заткнись.

– Молчу-молчу.

Они пошли по коридору – пять человек, которых ничего не связывало, кроме того, что они проснулись в одном месте. И тот факт, что двое из них уже знали друг друга довольно близко, почему-то пугал Надю больше, чем все остальное.

Они все вместе прошли по коридору к той двери, которая уже была открыта. Когда зашли в большой зал с двумя длинными диванами, их ждал сюрприз.

– Охренеть, – выдохнул Никита, застыв на пороге. – Человек на колёсах. Или мне кажется?

– Тебе не кажется, – Слава обошёл его и вошёл внутрь, окидывая взглядом помещение.

– А ты кто такой? – Никита уже шагнул к парню в инва-

лидном кресле, разглядывая его с неполиткорректным любопытством.

– Я Андрей, – ответил тот тихо. Испуганно.

Все пятеро вошли в зал и остановились, рассматривая шестого.

Худые ноги, неестественно вытянутые на подножках кресла. Сильные руки – видно, что накачанные постоянной работой. И странный мешок с жёлтой жидкостью, привязанный к ноге.

– Ты испугался? – спросил Никита, показывая на мешок.
– Или у тебя так всегда?

– Никита! – одёрнула его Надя.

– Что? Я просто спросил.

Андрей посмотрел на мешок, потом на Никиту. Без злости, скорее устало.

– Я по-другому не могу. Я ничего не чувствую ниже груди. Повисла пауза. Никита моргнул. Потом ещё раз.

– Ох, черт, – сказал он уже совсем другим тоном. – Извини, мужик. Я не знал.

– Я привык, – Андрей пожал плечами. – Садитесь. Еда в том углу.

Он показал рукой. В углу зала, на пластиковых столах, были расставлены контейнеры с едой. Каша, хлеб, масло, какие-то баночки с йогуртами.

– Шведский стол, – добавил Андрей с кривой усмешкой. Никто не засмеялся.

Катя, самая младшая, смотрела на Андрея с жалостью, но подойти не решалась. Аня изучала его с любопытством. Слава просто кивнул – принял информацию. Надя подошла ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.